

Алчере

Марина Аницкая

ФАНТАСТИКА

— Я люблю тебя, — сказал Джек.
Ирра подняла высокие брови. Радужка у нее была лиловая, а белка совсем не было видно. Как у лошади.
— Я люблю тебя. Я хочу быть с тобой всегда. Ты понимаешь?
Ирра склонила голову к плечу, прислушиваясь. Джек испугался, не сказал ли он ей случайно что-нибудь оскорбительное. Или какую-нибудь глупость вроде «ваша усталая туфля урчит». Он до сих пор не был уверен в своем произношении.
Ирра говорила на всеобщем, но ему почему-то казалось, что она не принимает «звездную латынь» всерьез.
— Никто не может ни с кем быть всегда, — ответила она.
— Почему?!

Ирра засмеялась. Меж оливковых губ блеснули белые зубы.
— Ты такой алчере. Ирр-иала-алчере.
Это был его третий месяц на Алголе-7. Он нанялся водителем челнока к сварливому профессору чуть ли не со Старой Земли. Алгола — Ичерерр по-местному — была тихой научной планетой вдали от больших перекрестков. Алгольцы, медленные, вечно рассеянно улыбающиеся и флегматичные, мало интересовались происходящим за пределами своего захолустья.

Проф, конечно, утверждал, что это и есть настоящий центр галактики, но если это и был центр, то разве что для горстки таких же с прибабахом. Работа была не пыльная, но Джек уже начинал думать, что загнется к чертям от скуки. И тут на семьдесят третьем спутнике случилась конференция, Проф долго ругался с кем-то по громкой связи, а потом велел забрать с третьего дока профессора Арроче.

Джек настроился на еще одного ученого сухаря, но у профессора Арроче оказались самые длинные ноги отсюда до Кассиопеи, и пребывание на Алголе резко обрело смысл и заиграло красками.

День на третий, подходя к холлу обсерватории, он случайно услышал, как Проф кому-то выговаривает:

— Я все понимаю! Мы все увлеклись... мнэ... экзотикой! Незнакомые планеты... чуждые формы жизни... романтика, то-се... но извольте не обращаться к пилоту при исполнении, а то у него концентрация сбоят от вашей дикции! Врежется он тут во что-нибудь, и будет наш с вами бранный прах мешать при экспериментах и сбивать настройки.

— По меркам вашего вида, он — совершеннолетний? — спросил после паузы низкий женский голос, и Джек замер, узнав Ирру.

— Еще бы! — фыркнул Проф. — Я в его годы уже второй раз развелся!

— Значит, он сам в состоянии проследить за своей концентрацией, — заключила Ирра.

— Не путайте наше совершеннолетие с вашим, — буркнул Проф.

Роман Джека с Иррой развивался стремительно. Проф, конечно, и ему пытался подsunуть ссылку на университетское портфолио. Но файл утверждал, что профессору Арроче

триста тридцать семь земных лет, и Джек понял, что это все равно чушь. Кому триста — не выглядят, как звезда с обложки, не раскрывают так глаза от удивления и уж точно не целуются с малознакомыми пилотами под тремя лунами. Только иногда ему казалось, что она не принимает его всерьез.

— Я тебя люблю. Я хочу быть с тобой всегда, — говорил он ей.

Ирра качала головой.

— У тебя кто-то есть? — спрашивал он. Ирра поднимала брови.

— Еще кто-то. Как я, — пытался он объяснить, отчаянно сражаясь с чужим языком.

Ирра поднимала брови еще выше:

— Нет. Такой, как ты, ты один.

— Ты хочешь уйти?

Ирра задумывалась на секунду.

— Нет, — говорила она, — не хочу.

— Но захочешь?

Ирра задумывалась опять. Потом потягивалась и обнимала его одним длинным, плавным, тягучим движением, от которого голова начинала кружиться незамедлительно.

— Думаю, не захочу. Ты красивый. И в тебе много жизни. Мне нравится смотреть, как она расплескивается. Даже когда ты злишься.

Спорить с ней было совершенно невозможно.

— Выходи за меня, — говорил он.

— Как я за тебя выйду? Ты же алчере!

В конце концов ему пришлось подловить Профа.

— Что такое алчере? — спросил Джек.

— «Не прошедший Посвящение», «несовершеннолетний», «не имеющий полного гражданства», «наивный»... еще «счастливый в неведении», если я не ошибаюсь... Картер, какого черта вы ко мне пристааете с такими вопросами, у вас что, комм нет? Поиском по словарю пользоваться не умеете?

— Да мне поговорить с живым человеком хочется, черт побери! — взорвался Джек.

Проф что-то неразборчиво пробурчал и подергал себя за воротник.

— Понятно, — процедил он. — У вас кризис отношений, и вам нужен конфидент. Ладно, юноша, валяйте. Припадайте к мудрости. Только кофе мне принесите. Вон тот автомат делает исключительно удачный кофе, уж не знаю, кто им его настраивал...

Джек принес два стеклопластовых стаканчика с дымящейся жидкостью, сунул один старому хрычу и сел рядом:

— Что такое Посвящение?

— Обряд инициации. — Проф с хлюпаньем отхлебнул, замурился и пошевелил ноздрями.

— Обряд чего?

Проф недовольно заворчал:

— Вот дикарь же на мою голову! Обряд испытания. Ичерерр до сих пор сохраняет очень архаичную структуру общества. Вы

проходите испытание и только после этого получаете статус полноправного члена общества и обретаєте соответствующие права и обязанности. Возможность владеть имуществом, избираться и быть избранным в органы управления, вступать в брак, занимать посты, требующие уровня ответственности выше двенадцати пунктов, ну и так далее.

Двенадцати пунктов?.. Лаборатории на астероидах (куда Картера не пускали дальше дока) требовали не меньше семидесяти.

— То есть... вы его проходили?

Проф кивнул.

— И... что?

Взгляд у Профа сделался мечтательным.

— Одно из самых ярких впечатлений в моей жизни. — Он отхлебнул кофе. — Не самое яркое... но одно из самых ярких, да...

— А самое яркое какое? — осторожно спросил Джек. Ну, просто, чтоб знать, на что ориентироваться.

В глазах у Профа появился маниакальный блеск.

— Конечно, когда Кобаяши опубликовал свою формулу! Пятьдесят лет споров! Лучшие умы галактики бьются над вопросами! И вот появляется этот чертов гений, вводит три новых измерения и показывает, как можно свести воедино семь противоречащих теорий! Это была революция в теории квантового сознания, абсолютная революция!

Он разорвался еще минут двадцать, прежде чем понял, что Джек его не слушает.

— Я хочу пройти Посвящение, — сказал Джек Ирре.

Она замерла:

— Зачем?

— Я тебя люблю. Я хочу быть с тобой.

Ирра села рядом с ним, подогнув под себя ногу, и внимательно заглянула ему в лицо:

— Ты и так со мной.

У нее были раскосые, лиловые глаза, и оливковая кожа, и плавные змеиные движения, и длинная гибкая шея, как у Нефертити.

— Мне этого мало, — сказал Джек Картер.

— Почему? — спросила Ирра.

— Я хочу быть с тобой как равный.

Ирра резко встала и отошла к окну. Из окна был виден город, раскинувшийся до горизонта, высокие башни, утопающие в висячих садах, и снующие между ними стрекозы гирокоптеров. Тонкий египетский силуэт на фоне лучей казался почти черным.

— Может быть, тебе лучше этого не делать, Джек Картер, — медленно произнесла Ирра. Она обернулась. — Может быть, тебе лучше найти женщину своего вида, Джек Картер. Ты сможешь быть с ней и остаться таким, как ты есть.

— Ты меня не любишь, — упавшим голосом сказал Джек.

Ирра опять опустила рядом и погладила его по щеке:

— Я хочу, чтобы ты был счастлив. Ты прекрасен, какой ты есть, а Посвящение меняет всех необратимо.

— Но только прошедший Посвящение может стать тебе мужем по вашим законам, — упрямо сказал Джек. — А алчере — нет.

Ирра кивнула:

— Это так.

— Тогда я хочу его пройти.

Ирра покачала головой:

— Ты не знаешь, о чем говоришь. После Посвящения... пересматриваешь взгляд на вещи. На себя. На мир. На все. — Она грустно улыбнулась. — Возможно, ты даже не захочешь быть со мной.

Чушь какая, подумал Картер, не может быть таких вещей.

— Но ты сама его проходила!

Ирра кивнула.

— И что?

У Ирры сделался такой вид, будто она смотрит куда-то сквозь него или прислушивается к чему-то неслышимому, и ему страшно захотелось схватить ее в охапку и целовать до тех пор, пока у нее не пропадет это нездешнее выражение. Ирра перехватила его взгляд, мягко улыбнулась и, как бы извиняясь, пожала плечами:

— Посвящение — то, что сделало меня мной.

— Тогда я хочу это знать, — сказал Джек Картер.

Приготовлений к Посвящению оказалось до смешного мало. Он предупредил Профа. («Ладно-ладно, юноша, месяц я как-нибудь без вас продержусь. Терпеть не могу эту дрянь с микросенсорным управлением, но черт с ней. Вот, помнится, на Денебе-Пять...»)

Еще ему пришлось заполнить анкету, пройти медицинское освидетельствование и подписать заявление о том, что он действительно понимает, на что идет. Он, конечно, не понимал, но останавливаться не собирался.

Формы одежды никакой не требовалось, но он все-таки нацепил мундир, который не доставал со дня выпуска, — ему показалось, что это подходящий вариант.

Еще он попросил Ирру надеть белое платье. На удачу.

Ему казалось, что Посвящение должно происходить в храме или пещере. Или в лабиринте на худой конец, но это оказался совершенно обычный купол обсерватории. Ну, может быть, немного на отшибе.

Они шли туда пешком, по узким улочкам, утопавшим в зелени, прохожие провожали их взглядами. Завидуйте мне, думал Джек Картер, завидуйте!

Когда он шел под руку с Иррой, он сам себе завидовал.

— Запомни, пожалуйста, — сказала Ирра у самого порога здания. — Что бы ты ни выбрал после Посвящения, я тебя пойму.

— Могла бы и сказать, что там такое интересное, — попытался отшутиться он. — Яма с голодными крокодилами? Бой на священных лопатах? Триста тридцать три гурии, которые попытаются зачекотать меня до смерти?

— Алчере. Альэрре, — отвечала Ирра в перерывах между поцелуями. — Эрре иалла аче-орра, Джек Картер. Чеа-иррау.

«Очень глупый. Очень храбрый. И я буду очень-очень тебя ждать, Джек Картер. Кем бы ты ни вернулся».

Ирра отстранилась:

— Тебе пора.

Джек обнаружил, что она плачет и даже не пытается стряхнуть слезы, которые катятся из лиловых глаз. Джек до этого ни разу не видел Ирру плачущей. Он как-то растерялся.

— Ну, это... я быстро, — пробормотал он.

Служитель, похожий на богомола, увел его за собой.

Джек ждал каких-то инструкций, но их не последовало.

— Что нужно делать-то? — попытался добиться у служителя Джек.

— Ничего, — сказал тот.

Он подвел его к высоким распахнутым дверям:

— Вам туда.

Джек вошел и услышал, как двери захлопнулись за его спиной. Зал был круглый, просторный и пустой, с потолком-куполом. Ни мебели, ничего не было — только узор, выложенный на полу. Джек встал в самый центр узора и задрал голову. Свет медленно начал гаснуть. Джек напрягся, на тот случай, если из темноты кто-нибудь выскочит, но ничего не происходило.

Купол погас. На нем начали загораться созвездия — такие, какими они выглядят с Ичерерра. Рисунок совпадал с картой созвездий на это время года. Возможно, их просто проецировали. Прекрасно, с досадой подумал Джек, меня загнали в планетарий. У него мелькнула смутная надежда, что, может, этим все и ограничится. Стоять и разглядывать сто раз виденное ему вскоре надоело. Не пойти ли пройтись, подумал он. И вдруг увидел — как бы со стороны — Джека Картера, который лениво делает шаг направо, и Джека Картера, который делает шаг налево, и Джека Картера, который остается на месте. Он вскинул голову — звезды начали тронуться. И тут понеслось по нарастающей: от малейшего движения Джеки Картеры распались на множество новых, каждый, самый малейший и незначительный выбор порождал множество новых. И вот уже весь огромный зал заполнился призраками, целой толпой Джеков Картеров, ошарашенно озирающихся и пытающихся понять, что происходит, — и в то же время каждый Джек Картер был один в своем круглом зале, а он сам, тот, с которого все началось, смотрел на них как бы со стороны и сверху.

Он вдруг понял, что так происходило всю его жизнь, на самом деле. Он тут же спохватился, что ему не надо бы об этом думать, но было уже поздно. Все бесчисленные мириады судеб Джека Картера, с самого рождения, заплясали у него перед глазами — Джек Картер, умерший в младенчестве; Джек Картер, сломавший ногу, провалявшийся полгода в госпитале и увлекшийся индуизмом (что?); Джек Картер, сбитый машиной; Джек Картер — игрок в бильярд; Джек Картер — миллиардер; Джек Картер спившийся; Джек Картер, героически погибший; Джек Картер — авантюрист; Джек Картер, никогда не добравшийся до Ичерерра... У судьбы одного-единственного Джека Картера были бесчисленные варианты, и каждое его действие порождало новый мир, не пересекающийся со всеми остальными, они вскипали и лопались, как мыльная пена, такие же зыбкие, переливающиеся и призрачные, а он был всего лишь одним из этих бесчисленных вариантов, ничтожно мелким по сравнению с неизмеримой, огромной, бурлящей и равнодушной вселенной. Джек Картер — пилот, Джек Картер — адмирал, Джек Картер — предатель, Джек Картер — инвалид, Джек Картер — наркоман, Джек Картер — ученый, Джек, Джек, Джек, Джек!

Он попытался закрыть глаза и зажать уши, но это не помогло.

Картины пронеслись у него в мозгу вспышками и гасли. Страсть, ярость, любовь, ненависть. Ужас, сопереживание, тоска, гнев. Радость, вера, отчаяние, надежда.

— Хватит! — закричал он. — Пожалуйста, хватит!

«Хватит!» — подхватил призрачный хор.

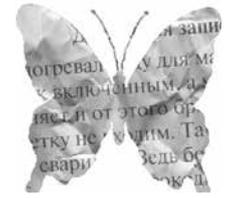
Тысячи, тысячи, тысячи Джеков, добравшихся до Ичерерра, пошедших на Посвящение, ругались, плакали, проклинали, грозили кулаком потолку и корчились на полу, и он уже не мог понять, который именно он из них. Не было единственно правильного мира, и не было единственного правильного выбора, и даже его самого, единственно настоящего, тоже не было. Это было так обидно и так неправильно, что он заплакал — вместе с тысячами, тысячами, тысячами Джеков, каждый — совершенно один в темноте наедине со своим горем.

Медленно, медленно, медленно хор отдалился и затих.

Потом Джек Картер поднялся и утер нос кулаком.

— Вот сопляк, — сказал он вслух. — Расклеился.

Этого с ним давненько не случалось, во всяком случае, последний раз был, когда они перебрали контрабандного саурианского бренди (нельзя же было не попробовать!), а оно, ко всему прочему, оказалось еще и фальшивым. Доктор на станции потом страшно ругался. Отсюда выво-

ФАНТАСТИКА

ды — имея дело с инопланетными штучками, жди вывертов от организма.

— Ты сюда зачем пришел? Ради Ирры ты сюда пришел. Ну вот и давай веди себя как следует.

Он встал поустойчивей, заложил пальцы за пояс и заорал в потолок:

— Плевал я на ваши галактические сложности! Давайте выпускайте меня отсюда!

Какое-то время ничего не происходило. На всякий случай он перепроверил созвездия — созвездия все были знакомые и находились на местах, как положено. Это его слегка успокоило — он все-таки не был уверен, в нужном ли из миров очнулся.

Потом созвездия погасли, в зале медленно зажегся свет, распахнулись двери, и Джек вышел наружу.

У самого порога стояла Ирра. Платье на ней было лиловое. Когда он появился, она вся потянулась к нему, но не сдвинулась с места — будто тетива натянула лук.

— Как ты?

— Я... я нормально. — Он повернулся к служителю — Что то еще надо? Или это все?

— Можете идти, — сказал служитель. — Данные о вас уже в системе. Вы теперь полноправный гражданин Ичерерра. Поздравляю.

Джек потер лоб:

— А сколько времени прошло?

— Четверть часа, — сказал служитель.

У Джека премерзко засосало под ложечкой, но он еще попытался:

— А зачем ты переоделась? Ты же была в белом.

Ирра подняла брови — невыносимо знакомым жестом:

— Ты сам просил, чтобы я надела это платье. На удачу.

Никаких других вариантов не оставалось.

— Ты не Ирра, — с горечью сказал Джек. — Не та Ирра, которая меня провожала.

Женщина кивнула:

— И ты не тот Джек Картер, которого проводила я.

Джек резко повернулся к служителю:

— Произошла ошибка! Верните все обратно! Как было!

Служитель покачал головой:

— Это невозможно.

— Что значит — невозможно?!

Служитель универсальным местным жестом поднял брови.

— Джек Картер, разве вы не поняли? — мягко спросил он. — Вы проходите Посвящение и живете в том мире, в котором оказались, тем собой, которым оказались. В этом и есть смысл Посвящения.

Вместе со знакомой незнакомой женщиной он вернулся в знакомый незнакомый дом. Эта Ирра тоже была очень красивая, и он понимал, почему ее Джек Картер попросил ее именно так одеться — это было то самое платье, в котором она была, когда они (кто они? какая-то Ирра и какой-то Джек Картер?) встретились.

— И что, вот вы все так и живете? Тебе исполняется... сколько-то там, тыходишь в комнату, включается рулетка и тебя наугад отправляет в параллельный мир? Насовсем?!

— Это и так происходит постоянно. Посвящение лишь дает возможность это осознать.

Каждый сделанный или несделанный выбор расщепляет мир на параллельные вселенные. Охватывающие весь возможный спектр вероятностей. Он вспомнил мириады прозрачных Джеков, и его немедленно укачало.

— Мне надо выпить, — сказал Джек.

Он полез в бар (бар был тот же самый), нашел бутылку (бутылка была та же самая), взял стакан (стаканы были те же самые), плеснул себе на два пальца. Вкус у жидкости был как у воды. Черт.

— Зачем это все? — наконец спросил он.

Женщина села рядом, подвернув под себя ногу. Она была настолько похожа на его Ирру, что он чуть не взвыл.

— Это учит смотреть. Учит слушать. Учит ничего не принимать как данность. Учит ценить то, что есть. — Она сложила руки на коленях. — С каждой секундой ты меняешься. Каждый своим выбором ты творишь миры для себя и других, Джек Картер. Но это не нужно вселенной. Это нужно только тебе. Чего ты хочешь на самом деле?

— Чего я точно не хочу — так это оказаться в чужом мире вместо своего собственного, — отрезал Джек.

«Не понять, с кем вместо его Ирры, к тому же».

Несказанные слова повисли в воздухе. Джек налил себе еще.

— Я понимаю, — спокойно сказала зеленая женщина. — Скажи, ты заметил бы разницу, если бы не платье?

Джек мрачно посмотрел на нее. На ее египетские плечи, на ее оливковую кожу, на ее лиловые глаза без белка, на гибкий змеиный силуэт, на длиннопалые кисти, обнимающие колено.

Ему очень хотелось соврать, но он точно знал, что она поймет.

— Нет, — неохотно сказал он.

Бутылка стремительно заканчивалась. Толку от нее, правда, все равно никакого не было.

«Я буду ждать тебя, Джек Картер, кем бы ты ни вернулся», — вот что сказала ему на прощание Ирра. Уже зная, что он не вернется. Что вернется — не он.

Он остро ощутил, как отслаиваются друг от друга мгновения, разделяя Джека Картера, который старательно выкидывает все из головы и остается, Джека Картера, который проклинает все и уходит. Джека Картера, который тянет время. С точки зрения вселенной все они были равны между собой. Никто из них не был лучше или хуже. Все это были просто реализованные вероятности. Он не мог перестать быть одной из них. Только выбрать, какой именно.

Он вдруг понял, что уже какое-то время стоит, прислушиваясь к невидимому хору, и невесело рассмеялся.

«Может быть, тебе лучше найти женщину своего вида, Джек Картер».

«Одно из самых ярких впечатлений в моей жизни».

«Посвящение — то, что сделало меня мной».

Какой же он был... алчере.

Он не знал женщину, которая встретила его после Посвящения. Но женщину, которая его проводила, он не знал тоже.

Он залпом допил свой стакан и развернулся к сидящей.

— А ты сама чего хочешь? — спросил он.

Проводить одного, а встретить на выходе черт знает кого тоже, наверно, невесело.

— Я знаю, что смогу быть очень счастливой с любым тобой, Джек Картер, — ответила женщина. — И знаю, что смогу быть очень счастливой без тебя. — Она помолчала, будто прислушиваясь к чему-то. — Сначала мне будет плохо. Потом это пройдет. — Зеленая женщина подняла на него лиловые глаза. — Так что решать не мне.

— Я не могу делать вид, будто ты — это она, — сказал он.

— Не делай, — кивнула женщина.

Он подошел и сел рядом.

— Ладно, — сказал он. — Давай начнем с начала. Джек Картер. — Он протянул ей руку.

— Ирра Арроче, — сказала она, пожимая его ладонь.

— Будем знакомы, — сказал Джек Картер. — Может, что из этого и выйдет.

Джек ткнул в пункт меню (меню было знакомое). В прозрачный стаканчик из автомата полилась темная жидкость. По коридору потянулся запах (запах был знакомый).

— С ума сойти, Картер, как вы это пьете! — раздался сварливый голос. — Кофе в этом автомате гадость редкостная, и кто им только его настраивал...

Голос был знакомый.

— А вот другому профессору нравилось, — сказал Джек.

— А! — Проф сориентировался моментально. — Вы прошли Посвящение!

Джек кивнул. Проф пошевелил ноздрями и начал тыкать костлявым пальцем в меню.

— Хмм... нет, все равно гадость. Картер, я надеюсь, в том вашем измерении вы выучились летать, а не... редиску разводите. Две недели вам хватит на акклиматизацию? А то мне уже надоело вручную лавировать между тринадцатым и семьдесят четвертым спутником на вашей таратайке!

— Там же ментальное управление! — возмутился Картер.

— Ваше ментальное управление перегорело на третий день вашего, прошу прощения, отпуска, юноша! Для чего мне, по-вашему, пилот нужен? Меня стандартные блоки не выдерживают! Ах, черт. — Он вдруг нахмурился. — Вас, возможно, тоже теперь выдерживать не будут. Надо будет проверить.

«Действительно, черт», — расстроился Джек. То, что он еще и летать не сможет, — это было вообще несправедливо.

— Не расстраивайтесь, Картер. Возьмете местную модель, она как раз сделана под такие перегрузки. Все взрослые ичерранцы на таких летают.

— Они же хомо-несовместимые!

— И теперь вы знаете почему.

Н-да. Однако неожиданности только начинались.

— Спасибо, профессор Аврелий, — искренне сказал Джек.

— Амброзий.

— Извините.

Проф махнул рукой:

— Не важно, сам иногда путаюсь.

— Н-да. — Джек почесал в затылке. — Как-то много всего.

Проф прищурился:

— Вам посочувствовать, юноша? Похлопать по плечу? Сказать... мнэ... банальность? Я очень хорошо умею говорить банальности. «Слушай сердце», «мой руки перед полостной операцией», «не суйся в пасть к космическим барсукам с Тау-Кита» — вот это все. Хотите?

Определенно какие-то вещи не менялись. Джек слабо улыбнулся:

— Нет, спасибо.

— Не стесняйтесь спрашивать, если что, — вдруг серьезно сказал Проф. — Посвящение — это очень мощное переживание. Для многих — самое мощное в жизни.

— Угу, — кивнул Джек. — Но это ненадолго. — Он смял стеклопластовый стаканчик в руке и бросил в мусорку.

Проф хмыкнул:

— Бодрое начало. И что это вы себе такого запланировали, если не секрет?

— Самое-самое мое переживание, — ухмыльнулся Джек, — будет, когда я женюсь на Ирре Арроче!

